

Н.С.Ганцовская, Е.Б.Волкова, Цинь Лидун

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГИПОТАКТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМАТУРГИИ А.Н.ОСТРОВСКОГО)

На материале драматургии А.Н.Островского определяется характер и динамика развития условных гипотактических конструкций русского языка. Выявляется роль моносемантических и синкретичных условных союзов как главных средств выражения синтаксического значения сложноподчинённых предложений в развитии русского литературного языка в аспекте книжное / разговорное. Даётся история каждой условной скрепы из списка союзных средств пьесы А.Н. Островского «Свои люди — сочтёмся!» — если, коли, как, как бы, кабы, когда — от древности до настоящего времени в проекции на речевые идиомы определённой (непривилегированной) социальной страты русского общества синхронного среза середины XIX в. Приводятся доказательства притока демократических средств русского языка послепушкинской эпохи в области гипотактического синтаксиса при формировании нового жанрово и функционально неразобъённого русского литературного языка.

Ключевые слова: гипотактические конструкции, условные союзы, книжное / разговорное, драматургия А.Н.Островского

Неотложной проблемой изучения динамики развития русского литературного языка являются наблюдения над особенностями его функционирования в классических произведениях русской художественной литературы в тот период, когда усилился приток демократических элементов во все его сферы, в том числе и в гипотактический синтаксис. В первой половине XIX в. всё ещё длилась борьба нового со старым: продолжался отбор структурных средств для создания нового, функционально неразобъённого литературного языка в русле идей объединения функционально-стилистических средств книжное / разговорное также и в области гипотактического синтаксиса.

Новообразованные моносемантические союзы сложноподчинённых предложений (памятники литературно-письменного языка демонстрируют их создание только к XVII в.) уже в самом начале XIX в. занимают лидирующее положение среди всё ещё протяжённого списка скреп подчинительных конструкций. Однако наряду с ними продолжают функционировать и синкретичные, многозначные гипотактические союзы, которым, как и прежде, в эпоху средневековья и потом, в новые времена, не удалось занять нейтральную стилистическую позицию, стать наддиалектными и многожанровыми — их обычно называют просторечными или разговорно-обиходными, а в диалектах они продолжают занимать активную позицию. Подобная ситуация, касающаяся разговорных средств языка, как отмечал в своё время Б.А.Ларин, совершенно недостаточно была представлена в существующих исторических словарях, и, по его мнению, существовала «острая нужда» в отражении лексики живого русского языка средних веков в словарях нового типа [1], для чего и был задуман им «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков». Надо сказать, что и для начала XIX столетия и далее, когда складывались нормы русского литературного языка, информационная «нужда» в изучении источников такого рода сохранялась, и особенно остро в области синтаксиса.

Русская классическая художественная литература с её богатыми реалистическими традициями времён Пушкина и в послепушкинский период предоставляла возможность увидеть на новом срезе состояние общерусского русского речевого идиомы на всех ярусах его системы. Можно утверждать, что «Островский был одним из тех писателей, в творчестве которых интенсивно, продуктивно и органично происходило соединение элементов книжно-письменного литературного языка с элементами народной устной речи для создания единого, функционально неразобъённого литературного языка», а также то, что «...Островский, прекрасно владея книжно-письменным языком, продуманно и эффективно вводил в речевую ткань элементы разговорности. Эти «сигналы разговорности» являются маркированной, сильной чертой текста, проявляясь не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне. Так, в самой книжной синтаксической конструкции — сложноподчинённых предложениях, которые у Островского нередко имели несколько придаточных к одному главному, разговорность проявляется чаще на уровне, смежном с лексическим — в наличии союзов с яркой локальной окраской (хоша, потому, что, потому как, кабы, ежели, коли и др.), но также, правда в меньшей мере, в эллипсисах, разорванных, бессвязных, неоконченных построениях и др.» [2].

В данной работе впервые на материале драматургии А.Н.Островского, чьи тексты до сих пор активно используются для иллюстрации лексики в академических словарях современного русского литературного языка, в синхронно-диахронном плане исследуются союзные подчинительные средства в эпоху становления норм русского литературного языка. Для синтаксического анализа мы выбрали первую пьесу драматурга «Свои люди — сочтёмся» (в 1848 году носила название «Банкрот»), принёсшую молодому драматургу небывалую славу и поставившую его в ряд классиков русской литературы [3]. Здесь наше внимание привлекло разнообразие союзных средств в обстоятельных сложноподчинённых предложениях с семантикой обусловленности, прежде всего в условных конструкциях, большинство из которых носит разговорно-просторечный характер и имеет корни в диалектной среде.

Приведём список союзов в пьесе и укажем их продуктивность: *если* (10), *кабы* (3), *как* (3) и *как бы* (3), *коли* (39), *когда* (6). Наиболее частотный союз *коли* «может дополнительно, вместе с другими синтаксическими средствами, выражать оттенок условности» [4]. Он имеет и временной оттенок, является союзом «недифференцированного значения» — оформляет только потенциальную обусловленность связи главной части с придаточной: «в предложениях со значением потенциальной обусловленности и условие и следствие представлены как ситуации, которые могут быть реализованы»; в современном русском литературном языке, относится к стилистически окрашенным союзам и считается устарелым и просторечным [5]. Союз встречается в репликах всех персонажей пьесы, не блещущих учёностью: чаще всего в речи свахи Устины Наумовны (9 раз), приказчика Подхалюзина (8 раз), купца Большова (6 раз), его жены Аграфены Кондратьевны (6 раз). Как известно, супруги Большовы — выходцы из деревни, где, по словам свахи, Самсон Силыч «голицами торговал», а Аграфена Кондратьевна была «панёвница», т.е. ходила в крестьянской домотканной юбке — «панёве». Даже их выросшая в Москве дочь Липочка, которая полагает, что она «не хуже других образованная», умеющая «и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать», но по свидетельству той же разгневанной Устины Наумовны полуграмотна: «пишет, как слон на брюхе ползает», использует в своей речи этот союз: «Ну, а коли не хотите увезти, — так, уж, пожалуй, и так» (с.77). Препозиция придаточного и контекстное окружение в сложном предложении, избыточное частицами, союзами, вводными словами и другой незначительной лексикой, говорит о разговорном характере всей конструкции и ещё осязаемой связи с предтечей условных придаточных — вопросительными конструкциями с частицей *ли*: «Вопросительная частица *ли* сыграла значительную роль в создании некоторых условных союзов.... Наличие вопросительной частицы *ли* во многих конструкциях условных предложений подтверждает предположение ряда исследователей русского языка о генетической связи условных предложений с вопросительными» [6]. Придаточные с *коли* и в речи других персонажей чаще всего встречаются в препозиции (16 раз), несколько реже (по 12 раз) в постпозиции и интерпозиции, что говорит уже о создании «гибкой» (термин В.А.Белошапковой) конструкции сложноподчинённых предложений, характерной для обстоятельственных (детерминантных) предложений современного русского языка. Хотя в наших материалах и с другими союзами (*если*, *кабы*, *как*, *как бы*) преобладают конструкции с препозицией условного придаточного, но в некоторых из них, как, например, с союзом *когда*, отмечена только постпозиция придаточного, что ослабляет сему условности и в ситуации дополнительного сообщения со значением следствия оставляет достаточно активное значение темпоральности.

Динамика появления приоритетного в настоящее время нейтрального и моносемантического условного союза *если* на синтаксической арене русского языка выразительно описана в академической монографии «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение» [7] и, по мнению её авторов, «наиболее полно проанализирована» в монографии Б.В.Лаврова, указавшего также на связь конструкций с союзом *если* и вопросительных предложений [8]. В пьесе Островского условные придаточные с этим союзом встречаются только в препозиции (есть только один случай интерпозиции), что говорит о их недавней связи с вопросительными конструкциями и контекстно обусловленном разговорном характере. В большинстве случаев это подчёркивается соседством союза *если* с экспрессивно окрашенными предшествующими ему частицами, вводными словами, союзами: [Липочка:] *Ну, видишь, если человек с понятием али армейский какой...* (с.27). [Подхалюзин:] *А если вам угодно говорить по душе, по совести-с...*(с.57). [Подхалюзин:] *А если выведут-то куда...* (с. 75). [Липочка:] *Ах, если б вы знали, Лазарь Елизарыч....* (с. 77). Лексическое просторечное наполнение условных предложений, перемежающееся с устойчивыми оборотами разного типа, а также соседство просторечных подчинительных союзов рядом с генетически книжным, но ставшим уже нейтральным новообразованным союзом *если* (например, с причинным просторечным и диалектным *потому* в многокомпонентном сложноподчинённом предложении в реплике рассудительного Подхалюзина: *Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет* (с.50) также создаёт ауру живой разговорной речи определённого непривилегированного слоя населения тогдашней России — купцов и их окружения.

А.С.Герд в своё время говорил о необходимости изучения разных типов языковых состояний, т.е. форм существования языка и конкретных языковых ситуаций, о том, что через типы языковых состояний и ситуаций отражаются менталитет народа, картина видения мира того или иного этноса: «тип этноса, совокупность его признаков... — всё это как бы извне давит на словарь...». Последнее слово — словарь — в рассуждении А.С.Герда можно понимать и в расширительном смысле как ‘словарный запас’ и отнести их к гипотактическим союзам [9].

К одному из типов языковых состояний XIX в. относится и язык купцов и их окружения, которые, конечно, сейчас как специфическая социальная страта не существуют, но это не значит, что до настоящего времени их язык как выражение их менталитета не сохранился. Он жив и понятен сейчас всем, более того, он составляет сокровищницу русского языка, и именно культурно-этнические особенности языка персонажей пьес Островского привлекают к его творчеству читателей и зрителей, о чём свидетельствует беспрецедентный успех его пьес на русской сцене вот уже на протяжении двух веков. В первую половину XIX в. живой, энергичный язык купцов, их чад и домочадцев, их окружения отражал все закономерности развития городской речи непривилегированных слоёв населения. Он был унаследован от диалектов, языка многомиллионных крестьянских масс, отшлифован и закреплён в речевых формах в течение многих столетий, но, несмотря на свою консервативность, не потерял способности развиваться. Это в полной мере относится и к сложным

гипотактическим конструкциям, в том числе и к тем условным сложноподчинённым предложениям и средствам выражения их грамматического значения, которые здесь являются предметом рассмотрения.

Союзы *как*, *как бы* и генетически связанный с ним союз *кабы* в настоящее время ещё употребительны в диалектах и фольклоре, стилизованном под народную речь разговорном литературном языке, но уже преимущественно с условным, а не временным оттенком значения. Союз *как* ранее являлся «чертой живого разговорного языка (как и союз *коли*, *как (кабы)*», чаще встречался «в Письмах Аввакума, в пословицах XVII в.» [7, с. 247]. В пьесе Островского очевидно значение желательности в предложениях с союзами *как* и *как бы*, временное же значение в некоторой степени сохраняется в конструкциях с союзом *как*. См. примеры. [Липочка:] *Вот другой манер, кабы я была докторша!* (с. 29). [Ризположенский:] *Кабы я не любил, я бы к вам не таскался* (с. 41). [Тишка:] *Вот кабы спрашивался, — я бы знал* (с. 60). [Большов:] *Как бы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал?* (с. 65). [Липочка:] *Вот как бы я вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всём этом* (с. 86). [Липочка:] *...тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибёт того гляди* (с. 87).

Условные предложения с союзом *когда*, как и, пожалуй, со всеми вышерассмотренными союзами, за исключением *если*, близки к временным предложениям, поскольку содержат отношения условия и следствия, которые схожи с временной последовательностью отношений предыдущего с последующим. Временное значение особенно отчётливо уступает условно-желательному в предложениях с союзом *когда* в пьесе Островского при сочетании с частицей *бы*, с вводными словами со значением предположения или вопроса. Примеры. [Ризположенский:] *Я бы свинья был, когда бы не сделал...* (с. 41). [Ризположенский:] *Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее?* (с. 41). [Подхалюзин:] *Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?* (с. 68). [Большов:] *...да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?* (с. 77). [Ризположенский:] *Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даёте?* (с. 89).

Анализируя условные союзы в сложноподчинённых предложениях русского языка середины XIX в. определённой социальной страты, реалистично представленные в одной из лучших пьес А.Н. Островского, мы можем констатировать их номинативное разнообразие, продуктивность архаических синкретических союзов, характерных как для городского демоса, так и для крестьянской массы с яркой стилистической окраской разговорности. Вместе с тем видна и динамика развития этого главного средства выражения грамматического значения условных гипотактических конструкций — стремление к выработке стилистических нейтральных моносемантических союзов. В качестве такового мы можем указать на наличие союза *если* в списке достаточно архаических синкретических условных союзов анализируемого произведения.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 «Диалектное исследование лексики и ономастика костромского края».

1. Ларин Б.А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» / Публикация С.С.Волкова // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 5-9.
2. Ганцовская Н.С. Язык драматургии Островского // А.Н.Островский. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И.А.Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: изд-во ФГ БОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 496.
3. Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 1. М.: Госуд. изд-во худ. лит-ры, 1949. 416 с.
4. Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М.: изд-во АН СССР, 1953. С. 98.
5. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1982. С. 563.
6. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1977. С. 219.
7. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. акад. В.И.Борковского. М.: Наука, 1979. 464 с.
8. Лавров Б.В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941. С. 64-67.
9. Герд А.С. «Словарь русского языка XIX века в свете проблем общей лексикографии» // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов / Отв. ред. В.Н.Калиновская. СПб.: Наука, 2008. С. 9. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA / Труды Института лингвистических исследований РАН, 2008. Том IV, часть 3).

References

1. Larin B.A. Zametki o "Slovar'e obikhodnogo yazyka Moskovskoy Rusi" [Notes on "The dictionary of everyday language of Moscow Rus'"]. Voprosy teorii i istorii yazyka. Saint Petersburg, 1993, pp. 5-9.
2. Gantsovskaya N.S. Yazyk dramaturgii Ostrovskogo [Ostrovsky's drama language]. In: Ovchinina I.A., ed. A.N.Ostrovskiy. Entsiklopediya. Kostroma, 2012, p. 496.
3. Ostrovskiy A.N. [Complete works in 16 vols, vol. 1]. Moscow, 1949. 416 p.
4. Shapiro A.B. Ocherki po sintaksisu russkikh narodnykh govorov. Stroenie predlozheniya [Notes on the syntax of Russian vernacular. Sentence construction]. Moscow, 1953, p. 98.
5. Russkaya grammatika. T. II. Sintaksis [Russian grammar. Syntax]. Moscow, 1982, p. 563.
6. Stetsenko A.N. Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka [Historical syntax of Russian language]. Moscow, 1977, p. 219.
7. V.I.Borkovskiy, ed. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie [Historical grammar of Russian language. Syntax. Complex sentence]. Moscow, 1979. 464 p.
8. Lavrov B.V. Uslovnye i ustupitel'nye predlozheniya v drevnerusskom yazyke [Conditional and concessive sentences in old Russian language]. Moscow; Leningrad, 1941, pp. 64-67.
9. Gerd A.S. "Slovar' russkogo yazyka XIX veka v svete problem obshchey leksikografii" ["The dictionary of Russian language of the 19th century in terms of the problems of general lexicography"]. In: Kalinovskaya V.N., ed. Russkiy yazyk XIX veka: dinamika yazykovykh protsessov. Saint Petersburg, 2008, p. 9.

Gantsovskaya N.S., Volkova E.B., Qin Lidong. To the history of development of hypotactic means of modern Russian literary language (on the material of A.N.Ostrovsky's drama). The article on the A.N.Ostrovsky's drama material defines a character and dynamics of development of conditional hypotactic constructions in Russian. The role of monosemantic and syncretic conditional conjunctions as the main means to express a syntactic meaning of complex sentences in the development of Russian literary language in the aspect literary / colloquial is brought to light. The authors consider the history of every conditional bond from the list of conjunctive means of A.N.Ostrovsky's play "It's a Family Affair — We'll Settle It Ourselves" — *yesli, koli, kak, kak by, kaby, kogda* — from the ancient time till nowadays reflected in idioms of a definite (unprivileged) social strata of Russian society in a synchronic snapshot in the middle of the 19th century. The authors provide the proofs of the flow of democratic means in Russian language of post-Pushkin era in the field of hypotactic syntax at forming new Russian literary language, integral in terms of genres and functions.

Keywords: hypotactic constructions, conditional conjunctions, literary / colloquial, A.N.Ostrovsky's drama.

Сведения об авторах. Нина Семёновна Ганцовская — доктор фил. наук, профессор, профессор каф. отечественной филологии, Костромской государственной университет; Gantsovsky_n@mail.ru; Елена Борисовна Волкова — кандидат фил. наук, доцент, доцент каф. иностранных языков И-13, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет); lenka@mail.mipt.ru; Цинь Лидун — аспирант кафедры отечественной филологии, Костромской государственной университет. qinlidong@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.